

УДК 327

Е.А. Черкесова

аспирант

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

**[Cherkesova E.A. Patriotism idea in Russian religious idea
at the end of XIX – beginning XX century]**

It is considered controversial aspects of understanding the idea of patriotism in Russian religious thought of the late XIX - early XX centuries. The attention is focused on the priority of religious principle and culture in the treatment of F.M. Dostoevsky, as well as a special understanding of patriotism, which is inextricably linked to religious ideals. Among the religious-oriented Russian thinkers of the late XIX - early XX century in the sense of patriotism the great Russian writer F.M. Dostoevsky holds a special place. Philosopher V.S. Solovyov argued on the relationship between patriotism and unification of humanity in the bosom of the Christian Church. Though he decided the matter differently than F.M. Dostoevsky. An important contribution to the understanding of the religious ideas of patriotism were introduced by N.A. Berdyaev. The Christian understanding of N.A. Berdyaev of patriotism can be considered as an intermediary between the views by F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov.

Key words: universal humanity, country, monarchy, nation, Orthodoxy, patriotism, religious and patriotic idea.

Среди религиозно-ориентированных русских мыслителей конца XIX – начала XX веков в понимании патриотизма особое место занимает великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Великий русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский (1821-1881), который, разделяя пафос и смысл уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность», в то же время придавал ей новое звучание.

Достоевский был сторонником сильной монархии, почитаемой народом и опирающейся на него. Он считал, что «Царь для народа – не внешняя сила, а все-народная, все единящая сила, которую сам народ вырастил в сердцах своих, которую он возлюбил. Народность и самодержавие – понятия неразделимые.

В свою очередь, народность неразрывно связана с православной верой. Тот, кто отрицает народность, отрицает и веру, ведь вся народность в России основана на христианстве [5, с. 236]. Россия не просто носительница Христовой правды, но фактически последняя страна, где эта правда сохранила свой истинный характер [6, с. 46]. Поэтому Достоевский считал, что русский народ обладает особой миссией – примирить и объединить все народы в правой вере, сохранив при этом язык и духовное своеобразие каждого из них. Назначение и роль русского народа не похожи на таковые у других народов, ведь в других народах каждая народная личность живет лишь для себя и в себе, русские же начнут с того, что станут всем слугами, ради всеобщего примирения. В этом нет ничего позорного – наоборот, в этом величие русского народа, ведь тот, кто хочет быть выше всех в Царствии Божием, должен прежде стать всем слугой [6, с. 47].

Русские, как считал Достоевский, обладают уникальным свойством воспринимать и понимать черты и качества других народов, при этом не теряя собственной национально-культурной самобытности. Это можно охарактеризовать словом «всечеловечность», и всечеловечность эта и есть главная личная черта и предназначение русского [6, с.31].

Россия как фундамент и образ будущего единения народов во Христе противопоставляется Достоевским Западу, где существует внешнее единство, но оно представляет собой лишь ширму стремления тамошних народов к взаимному угнетению и возвышению за счет других. Объединение народов под русской эгидой будет иметь не только политический характер и не ради политического захвата и насилия.

Наиболее полно содержание идеи патриотизма Достоевский сформулировал в знаменитой «Пушкинской речи» 1880 года: «Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать братом всех людей, всечеловеком. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей».

От понимания патриотизма на мессианском и метаисторическом уровне, Достоевский переходит к светским формулировкам. Определяя патриотизм как теснейшую взаимосвязь личности, общества и государства». Учетом фактора личности в трактовке патриотизма он сближается с либералами, хотя, понимает и

личность и государство менее секулярно, не отделяя их от Православия и глобальной христианской миссии. В вопросе о роли русской этнокультурной компоненты в России Достоевский придерживался мнения, что «хозяин земли Русской есть русский и только русский», но рассматривал это понятие с позиций, близких к славянофильским и консервативным, а не только в этническом ключе.

Таким образом, русский патриотизм у Достоевского приобретает всемирный характер. Развивая идеи о Святой Руси и ее особой христианской миссии в Европе, Достоевский считает их главными в истории мира и человечества. Русский любит свою Родину и народ не из-за чувства национального эгоизма, не исключительно из ощущения «своего», а, напротив, понимая и принимая их вселенские задачи. Православие же как основа такого мировоззрения неразрывно связано с Самодержавием и Народностью.

Другим видным представителем русской религиозной мысли был протоиерей Иоанн Кронштадтский, для которого понятие патриотизма было свято.

Одним из подтверждений этого являются, например, его слова: «Бог призывает вас к великому делу – благоустроения и умиротворения отечества. При этом помните, что отечество земное с его Церковью есть преддверие отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную там» [7, с. 199]. Протоиерей в известной степени идет дальше светских мыслителей в соотношении патриотизма и религиозной веры, делая не веру одним из компонентов патриотизма, а патриотизм – одним из компонентов веры и снискания Царства Небесного. При этом он подчеркивал, что Небесное Отечество важнее земного: «Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствуется; но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно. Это отечество заслужено тебе бесценной кровью Сына Божия. Но чтобы быть членами того отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества» [7, с. 233]. Однако и тут видна неразрывная связь двух Отечеств, невозможность (или проблематичность) достижения одного без любви и верного служения другому. Немаловажная особенность – Иоанн Кронштадтский ведет речь об Отечестве вообще, а не исключительно, фактически говоря, что в любой стране человек должен верно ему служить для снискания Божьей благодати.

Ключевое место в концепции патриотизма Иоанна Кронштадтского, однако, в любом случае занимает Россия. По его мнению, русские люди утратили понимание самой сути Руси, которая является подножием Престола Господня. Русский человек должен осознать это и благодарить Господа уже за одно то, что он русский. Таким образом, русский патриотизм имеет сразу два измерения: верность и любовь к своей Отчизне как таковой и те же чувства по отношению к России как стране, имеющей особую религиозную миссию.

Протоиерей напрямую выводил царскую власть из религиозной идеи, конкретно – Православной веры. Отличие его позиции от консервативных мыслителей в том, что Иоанн Кронштадтский говорил не об органичной связи Православия и монархии, не о наибольшей естественности симбиоза христианства и монархии, но о неразрывном их единстве, о невозможности русской монархии без Православия и Православия без русской монархии. Он называл монархию Богом учрежденным и освященным образом правления, говорил о царе как образе Бога, правителя Вселенной, на земле [8, с. 22, 27]. По его словам, царь самодержавно правит народом на правах образа Царя Небесного; все власти государства, относятся к государю, словно к своему центру, и все подданные, как дроби, получают в монархе одного своего знаменателя. Народ обладает могуществом, величием и благосостоянием при условии «страха Божьего и почтения к царю, от него поставленному» [8, с. 31]. Отсюда можно вывести формулу: верность царю = верность Отечеству = верность Богу.

В то же время народ является не только подчиненным, но и самостоятельным субъектом религиозно-патриотической идеи. Протоиерей задается вопросом, под каким условием Бог сообщает человеку или племени народу свое могущество и свое величие, и сам отвечает на него: под условием единения человека и народа с Богом через неизменную верность Богу и его законам. Когда царь и народ верны законам Бога, правящего судьбами всех стран и народов и направляющего все на единение с ним, тогда они получают источник бесконечной силы и благоденствия [8, с. 31]. Исходя из вышесказанного, можно интерпретировать понимание патриотизма так: это служение народа Богу и Царю как двум неразрывным субъектам, фактически сливающимся в один, но одновременно и служение народа и царя вместе, но неслиянно Богу. При этом русский патриотизм уникален еще и тем, что имеет двойное измерение: это служение своему Отечеству как таковому и служение Отечеству, имеющему особую трансцендентно-религиозную миссию.

О связи патриотизма и объединения человечества в лоне христианской церкви рассуждал и философ В.С. Соловьев. Однако он решал этот вопрос иначе, чем Достоевский. Не отрицая идею патриотизма в принципе, Соловьев отмечал огромную разницу между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и его фальшивой версией, утверждающей, что она и так достаточно хороша [10, с. 444]. Таким образом, патриотизм в понимании Соловьева – критический, любящий Родину не всякой и стремящийся к ее совершенствованию и улучшению. Под ними он понимал стремление государства как можно к меньшему стеснению внутреннего мира и созданию внешних условий для их достойного существования и совершенствования. При этом государство должно препятствовать злым людям в нанесении ущерба обществу. Истинным благом России Соловьев считал решение всех вопросов внутренней и внешней политики сообразно христианским принципам.

Он выступал против классического устоявшегося понимания патриотизма, в частности, его привязки к народности. По его мнению, народность не является высшей идеей, которой должны служить люди, а представляет из себя живую природную и историческую силу, которая сама обязана служить высшей идее и через это служение осмысливать и оправдывать свое существование. Требование же веры в народ имеет фальшивый смысл, ибо это требование веры и служения толпе людей, что противно не только религиозному чувству, но и простому человеческому достоинству. Настоящего служения же достоин только Бог, народ же – лишь поскольку он служит Богу. Служение народу по сравнению со служением Богу ущербно еще и потому, что все народы, как и отдельные люди, смертны, бессмертен лишь Господь [9, с. 25].

При этом достойная христианская форма народолюбия все же существует – это любовь ко всем народам, как к своему: «Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этою заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма и национализма... Я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как своему собственному» [11, с. 89]. Идеалом и главной целью воссоединившейся мировой политики Соловьев полагал слияние всех государств и наций под эгидой христианской церкви, ключевую роль в которой будет играть католический Рим. По его мне-

нию, истинного разрыва между церквями никогда и не происходило, разошлись в разные стороны лишь составлявшие их люди, мистическое же тело церкви оставалось неразделимым, но при этом истина и сердце Веры все это время оставались в Риме. Таким образом, по мнению В.Ю. Верещагина, соловьевское понимание русского патриотизма представлена как тройкая задача русского народа, который должен разрешить мировой антагонизм Востока и Запада путем раскрытия подлинного христианства (софиологии Богочеловечества), воплощаемой в социальной форме всемирной теократии [4, с. 45].

Как можно убедиться, Соловьев был солидарен с Достоевским в принципиальной необходимости мирового единства на христианском фундаменте, но считал, что объединение должно произойти не вокруг Православия, а на экуменической основе и с определенным приоритетом римского католицизма. Народы в рамках этого объединения должны не столько сохранять самобытность, сколько стирать различия, относясь к чужим, как к своим. Патриотизм по Соловьеву – это служение христианской правде, преданность своему народу лишь в той степени, в какой он эту правду разделяет, причем преданность, которая ни в коем случае не должна превосходить по степени теплоты и искренности такого же отношения к чужеземцам.

Важный вклад в религиозное осмысление идеи патриотизма внес и Н.А. Бердяев. На раннем этапе формирования своего мировоззрения он принадлежал к марксистскому движению, затем его взгляды претерпели эволюцию, он перешел на позиции христианского социализма и гуманизма. Христианское осмысление Бердяевым этоса патриотизма можно считать промежуточным звеном между воззрениями Достоевского и Соловьева.

Бердяев прохладно относился к самодержавной монархии в целом и ее симфонии с православной церковью в частности. По его мнению, концепция религиозного обоснования монархической власти если и имеет религиозный характер, то вовсе не христианский, а языческий. На определенном историческом этапе (в Римской империи времен императора Константина), «огосударствление» христианства было закономерным, но считать данную тенденцию непреложной истиной ошибочно. Более того, сама идея классического государства имеет не христианскую, а ветхозаветную основу [2, с. 374]. Н.А. Бердяев был против отмены государства и власти, так как они, не превращая жизнь испорченных грехопадением людей в рай, хотя бы удержи-

вают ее и от превращения в ад, возвращения в звериное состояние. Однако государственному регулированию подлежат лишь внешние правовые отношения людей и их безопасность, а не душевный мир.

Идеалом общественного и государственного устройства Бердяев признавал теократию, но не аналогичную Древнему Израилю или католическому престолу Римского Папы, а являющуюся духовным союзом свободных христиан. Для этого должна произойти отмена диктата официальной церковности, индивидуализация и персонализация сознания людей, эмансипация культуры, отказ от ее «насильственного удержания в церковной ограде». Бердяев фактически предлагал программу отечественной Реформации, но без ее европейских крайностей вроде излишнего индивидуализма, рационализма и превращения религии в частное дело граждан.

Бердяев считал идею патриотизма одним из главных чувств человека, относящихся к числу дополитических и даже дорассудочных. Патриотизм не может зависеть от силы или слабости страны, наличия у нее достижений и славной истории либо их отсутствия. Нельзя связывать служение Родине с существующими в ней социально-политическими порядками и перспективой их изменения. Своей иррациональностью и безусловностью патриотизм ближе к религиозной идее, чем к политической. Бердяев констатировал слабость безусловного чувства патриотизма у русского народа, в первую очередь его интеллигенции, отмечая, что патриотизм если не ставится напрямую ниже социальной и классовой конъюнктуры, то зачастую тесно увязывается с ней. По мнению Т.В. Беспаловой, такая позиция возникла у Н.А. Бердяева лишь потому, что автор сам находится в рамках одного политического проекта и пытается примирить остальные версии патриотизма [3, с. 88].

Говоря о нации, Бердяев называл ее категорией конкретно-исторической, а не абстрактно-социологической. Она определяется, но не исчерпывается расой, языком, религией, территорией или государственным суверенитетом, эти признаки важны, но не являются сущностными. Более адекватно, по его мнению, определение нации как общности исторической судьбы [1]. Нация представляет из себя мистический организм, она не сводима к ныне живущему поколению или даже сумме всех поколений, она изначально, вечно жива, ныне живые и мертвые существуют в ней одновременно, побеждая время и противясь его раз-

делению на прошлое и будущее, стремясь к нетленности, победе над смертью. Таким образом, идея нации, как и патриотизма, сродни религиозной.

В плане отношения нации и государства Бердяев придерживался взглядов, аналогичных воззрениям П.Б. Струве. Он считал, что наличие государственности не является обязательным признаком нации, однако всякая нация стремится к ее обретению и усилению, это здоровый закономерный инстинкт, позволяющий нации раскрыть свои черты, свойства и дух. Потеря государства – огромное несчастье для нации, настоящая травма. Нация наиболее полно раскрывает себя в государстве, а государство, в свою очередь, не может быть полноценным без национальной идеи и национального ядра (которое, впрочем, вполне может быть полиэтничным). При этом Бердяев, будучи христианским персоналистом, считал человека более высокой ценностью, чем нация и государства [1].

Он равно критиковал национализм и интернационализм. Национализм, отделяемый им от патриотизма, он считал переходом здорового национального чувства, гордость за свою нацию в национальное чванство, нелюбовь к другим нациям государствам, всеобщее одичание. Если патриотизм изначален, природен и иррационален, то национализм, напротив, в своей горделивости и спеси чересчур рассудочен и рационален. Однако интернационализм является другой крайностью, стремлением к всеобщему слиянию в обезличивании. По мнению Бердяева, нужно стремиться не к стиранию различий между народами, а к их сохранению и развитию в лоне универсальных ценностей. Только сохранение национальной самобытности в симбиозе с универсализмом позволит всякому великому писателю, художнику и мыслителю быть одновременно принадлежащим своей нации и всему человечеству.

Бердяев наиболее близко подошел к сакральному, выходящему за рамки формул и преодолевающему социальные, религиозные, политические и этнические привязки пониманию Родины и патриотизма. Любовь к Родине изначальна, по сути своей религиозна и потому не может быть ограничена какими-то рамками. Патриотизм в понимании Бердяева имеет глубоко христианское измерение, но при этом не связан с устоявшимся каноническим Православием и официальной Церковью. Нация для него практически идентична Отечеству, в том числе и в своей иррациональности и непознаваемости. Государство же – нехристианский, но при этом необходимый для защиты нации и Отечества институт, однако сам по себе, в отрыве от национальных основ

ценности не имеющий. Однако человек в любом случае – главная ценность мироздания, стоящая выше нации и Отечества; как государство бессмысленно без нации, так и нация с Отечеством бессмысленны без человека.

Среди религиозно-ориентированных мыслителей в понимании патриотизма Соловьева и Бердяева объединяет то, что во главу угла они ставят человека и человечность. Однако в остальном между двумя этими философами существуют противоречия: Соловьев предлагал слить локальные патриотизмы, страны и нации в общехристианское единство и считал опасным саму идею отличия одних народов и стран от других, тем самым фактически нивелируя сам феномен патриотизма, Бердяев же, соглашаясь с идеей единства человечества, был против уничтожения его национально-культурного разнообразия. Именно Бердяев фактически первым формулирует идею патриотизма как самостоятельную величину, иррациональную, дорассудочную, стоящую выше любых формул, не подлежащую ограничению и привязке к любым понятиям и ценностям. И, наконец, Достоевский и протоирей Иоанн Кронштадтский замыкают круг, становясь мостиком от христианских гуманистов Соловьева и Бердяева к славянофилам, – для них русский патриотизм заключается в стремлении русского человека преодолеть национальные и государственные границы и объединить человечество, но объединение должно произойти на фундаменте Православия, которое неразрывно связано с Самодержавием и Народностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1997.
2. *Бердяев Н.А.* Ответ на письмо монархиста // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-VI). М., 1992.
3. *Беспалова Т.В.* Патриотизм в концептуальной версии Н.А.Бердяева: социально-философский анализ // Философия права. 2009. № 1.
4. *Верещагин В.Ю.* самобытность духовной культуры России в понимании В.Соловьева // Философия права. 2012. № 4.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т.30, кн. 1. Л., 1972 – 1990.

6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т.23. Л., 1972 – 1990.
7. *Иоанн Кронштадтский*, прот. Моя жизнь во Христе. М., 1999.
8. Священный союз русского народа. М., 2011.
9. *Соловьев В.С.* Собрание сочинений. СПб., 1911-1914. Т. V.
10. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
11. *Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.

REFERENCES

1. *Berdyayev N.A.* The fate of Russia. M., 1997.
2. *Berdyayev N.A.* Replying to a letter monarchist // Way. The body of Russian religious thought. Book 1 (I-VI). M., 1992.
3. *Bespalov T.V.* Patriotism in the conceptual version N.A. Berdyayev: socio-philosophical analysis // Philosophy of Law. 2009. № 1.
4. *Vereshchagin V.Y.* Identity of the spiritual culture of Russia in understanding Soloviev // Philosophy of Law. 2012. №4.
5. *Dostoevsky F.M.* Complete Works: The 30 t. T.30, Vol. 1. L., 1972 - 1990.
6. *Dostoevsky F.M.* Complete Works: The 30 t. T.23. L., 1972 - 1990.
7. *Ioan of Kronstadt*, Archpriest. My Life in Christ. M., 1999.
8. Sacred Union of the Russian people. M., 2011.
9. *Solovyov V.S.* Collected Works. SPb., 1911-1914. Т. V.
10. *Solovyov V.S.* Works: In 2 t. Т. 1. М., 1989.
11. *Solovyov V.S.* Poems. Aesthetics. Literary Criticism. М., 1990.

15 ноября 2015 г.